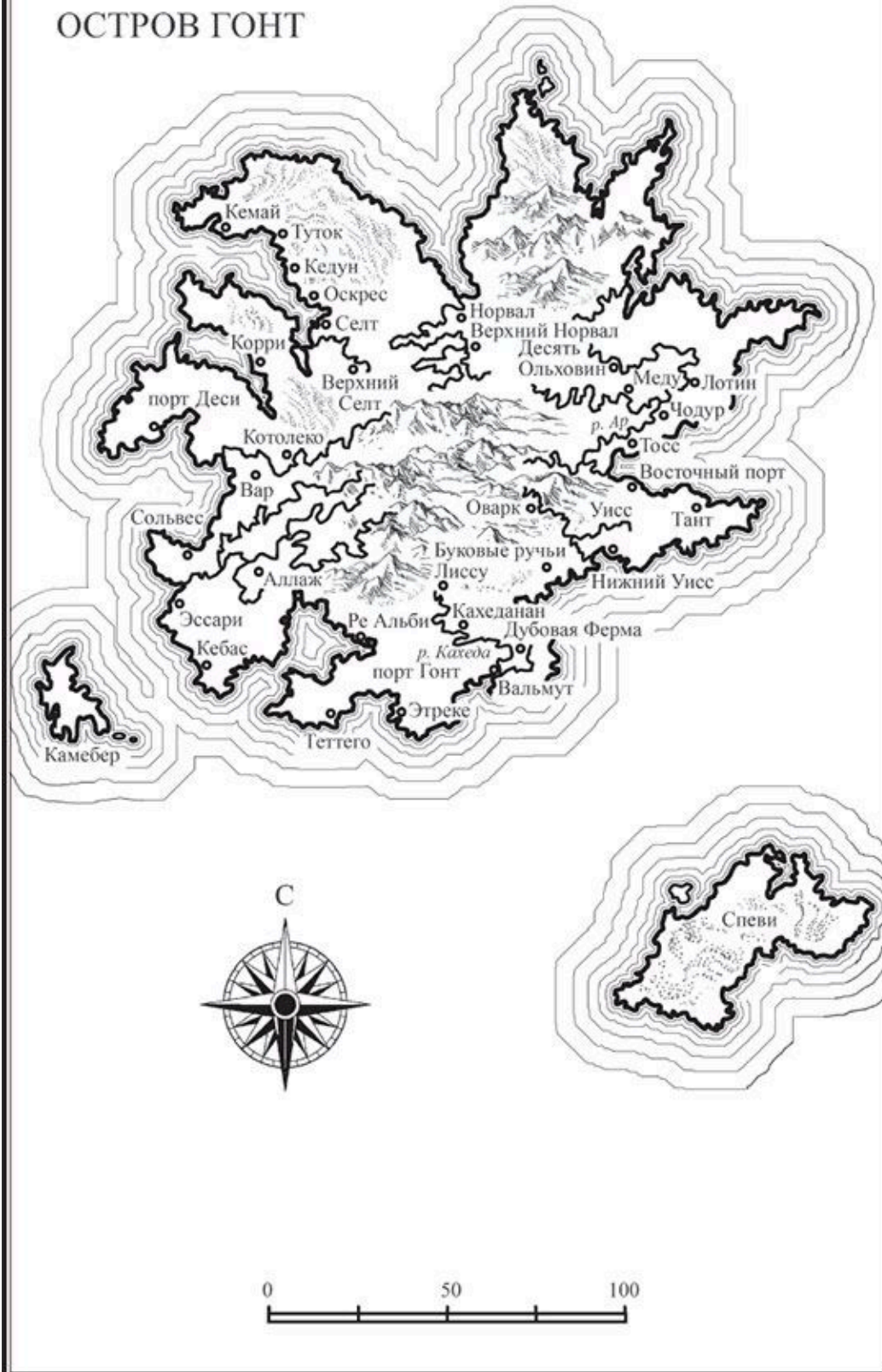

Техану

ОСТРОВ ГОНТ

1

Злодеяние

После того как Флинт из Срединной Долины умер, вдова его осталась жить на Дубовой Ферме совсем одна: их сын стал моряком, а дочь вышла замуж за купца из Вальмута. По слухам, вдова Флинта была у себя на родине весьма знатной особой, да оно и верно: маг Огион, бывая в их краях, всегда останавливался на Дубовой Ферме. Впрочем, что касается Огиона, то он мог с тем же успехом остановиться и в любом, самом бедном доме.

Имя у нее было нездешнее, но Флинт звал ее Гоха – так на острове Гонт зовут белого паучка, замечательного ткача. Прозвище это очень ей подходило, потому что она была невысокая, белокожая и отлично умела прясть козью и овечью шерсть. И вот теперь Гоха стала вдовой Флинта – хозяйкой большого стада овец и достаточно просторных пастбищ, а еще – четырех возделанных полей, грушевого сада, двух небольших домов, где жили арендаторы, старинной каменной усадьбы, укрывшейся в тени старых дубов, и фамильного кладбища, где покоился теперь и Флинт, ставший землей в земле.

– Всю жизнь рядом со мной чьи-то могилы, – сказала она как-то своей дочери Эппл, по прозвищу Яблочко.

– Мама, ну перебирайся к нам в город! – упрашивала ее дочка, но вдова почему-то не решалась покинуть свою уединенную ферму.

– Может быть, позже, когда у вас будут детки и тебе понадобится моя помощь, – сказала она, с удовольствием глядя на свою сероглазую дочку. – Но не сейчас. Сейчас я тебе не нужна. И потом, мне здесь нравится.

Отослав Яблочко к молодому мужу, вдова вошла в дом, закрыла дверь и остановилась посреди кухни, где пол был выложен из плитняка. Сгущались сумерки, но она все не зажигала огня, думая о том, как эту лампу зажигал ее муж: ловкие руки, легкая искра, сосредоточенное темнокожее лицо, освещенное вспыхнувшим огоньком... Дом был погружен в молчание. «Я ведь с детства

привыкла жить в тихом доме, одна, – подумала она. – Ну и теперь проживу». И зажгла лампу.

Однажды, в самом начале жаркого лета, где-то после обеда ко вдове неожиданно заявила Ларк, ее старинная подруга. Она жила в деревне и теперь чуть ли не бегом спешила к Дубовой Ферме по пыльной дороге.

– Гоха, – задыхаясь, сказала она вдове, занятой прополкой бобов, – ох, Гоха, случилось нечто ужасное! Ужасное! Может, сходишь со мной в деревню, а?

– Конечно схожу, – сказала вдова. – Но что такого ужасного там могло случиться?

Ларк наконец перевела дыхание. Она была простой тучной деревенской женщиной лет сорока, и детское прозвище – Жаворонок – совсем ей не подходило. Впрочем, когда-то она была стройной и легкой и очень хорошенькой. Именно Жаворонок стала подругой юной Гохе, плюнув на мнение односельчан, которые всю сплетничали по поводу белокожей уроженки Каргада, которую Флинт привел в свой дом; с тех пор они и остались лучшими подругами.

– Ребенка чуть не до смерти сожгли, – выговорила наконец Ларк.

– Господи, да чьего же?

– Да этих бродяг.

Гоха быстренько заперла дверь, и они бросились в деревню. На ходу Ларк рассказывала, все время задыхаясь и обильно потея. Крошечные семена могучих трав, что росли на обочине дороги, липли к ее щекам и ко лбу, и она нетерпеливо смахивала их, но не умолкала:

– Они весь этот месяц прожили в палатке – в лугах у реки. Мужчина-то все за медника себя выдавал, да только вор он, а не медник, ну и женщина эта при нем. А второй мужчина, помоложе, тоже с ними вместе по здешним деревням слонялся. И непохоже, чтобы кто из них работал. Воровали понемножку да попрошайничали, а женщина эта телом своим торговала. Гонцы из нижних деревень приносили ей кой-что из еды, чтобы с ней позабавиться. Знаешь небось, как это нынче делается! Да и кругом все не так – на дорогах бандиты, дома тоже грабят... На твоём месте я бы покрепче двери запирала. Ну так вот, значит, приходит тот парень, что помоложе, в деревню и говорит: «Ребенок у нас заболел». Я-то не слишком и разглядела, что у них там еще и ребенок есть, – словно хореk какой-то,

мигом спрятался, я и рассмотреть толком не успела. Прямо зверек лесной. А парень мне: «Она обожглась, когда костер разжигала». И не успела я взять что нужно, как он наутек пустился. Да и исчез. А уж на лугу-то я и увидела, что и парочки той след простыл, только костер все еще дымится... И прямо в костре... на земле... – Утратив дар речи, Ларк некоторое время шла молча. Смотрела она прямо перед собой – на Гоху и не взглянула. – Они ее даже одеялом не прикрыли, – выговорила она наконец и прибавила шагу. – Прямо в горячий костер девочку толкнули! – Ларк судорожно сглотнула и принялась яростно смахивать прилипшие к потному лицу семена трав. – Можно, конечно, подумать, что она сама туда упала, да только если б так, то уж выскочить-то постаралась бы, это уж точно. Нет, они, видно, избili ее чуть не до смерти, да и решили следы замести... – Ларк снова умолкла и решительно зашагала дальше. – Может, это и не он, – снова заговорила она. – Может, он-то как раз ее и вытащил. Ведь, в конце концов, именно он за помощью пришел... Это, верно, сам отец. Не знаю. Да и какая разница? Кто их там разберет? Кому какое дело до этой малышки? И почему все мы делаем то, что делаем?

Гоха тихонько спросила:

– А жить она будет?

– Может быть, – ответила Ларк. – Очень даже может быть. – И через некоторое время, когда они уже шли по деревенской улице, прибавила: – Не знаю, но мне почему-то непременно нужно было пойти за тобой... Там ведь сейчас Айви... да и девочке ничем, наверно, не поможешь уже.

– Я могла бы сходить в Вальмут, за Буком.

– Так тут и он ничего поделать не сможет. Это не... этому нельзя помочь! Я ее укрыла теплее. Айви целебный отвар сварила и сонный заговор сказала. Она сейчас дома у меня. Ей лет, может, шесть или семь, да только весит она не больше двухлетней. Она так ни разу и не пришла в себя по-настоящему. И как-то так странно задыхается... Я знаю, что и ты ничего сделать не сможешь. Но мне очень хотелось, чтобы ты пришла.

– А я рада, что ты меня позвала, – откликнулась Гоха. Но прежде чем переступить порог дома Ларк, она на минутку закрыла глаза и затаила дыхание: ей было очень страшно.

Детей давно уже отослали на улицу, и в доме царила тишина. Девочка без сознания лежала на постели Ларк. Местная ведьма Айви, по прозвищу Плющ, смазала менее страшные ожоги мазью из волшебных орехов и иных целебных плодов и растений, но даже не прикоснулась ни к правой щеке девочки, ни к ее правой руке: здесь обуглившаяся плоть была сожжена до кости. Над кроватью Айви начертала руну Пирр – вот и все, что было в ее силах.

– Можешь ты что-нибудь с ней сделать? – шепотом спросила Ларк.

Гоха, застыв и стиснув руки, смотрела на обожженного ребенка. Потом покачала головой.

– Ты ведь училась людей лечить, там, в Ре Альби? – В голосе Ларк слышались боль и стыд, а еще гнев: вся ее душа, казалось, молила облегчить страдания невинного ребенка.

– Даже Огион не смог бы вылечить такое, – промолвила вдова.

Ларк, закусив губу, отвернулась и заплакала. Гоха обняла ее, поглаживая по седеющей голове. Так они и стояли, обнявшись, поддерживая друг друга.

Из кухни пришла ведьма Айви, нахмурившись при виде Гохи. Хотя вдова никогда не пользовалась ни заклятиями, ни иным волшебством, ходили слухи, что сразу после прибытия на Гонт она поселилась в Ре Альби и стала ученицей мага Огиона; а еще говорили, что она хорошо знакома с самим Верховным Магом Земноморья, что родом с острова Гонт, а значит, наверняка обладает каким-то нездешним и непростым колдовским могуществом. Сгорая от ревности, ведьма подошла к кровати и занялась девочкой, потом смешала на плоской тарелке какие-то порошки, поднесла смесь к огню, и комната наполнилась вонючим дымом, ведьма же стала шептать исцеляющие заклятия, вновь и вновь повторяя их. Дым вызвал у девочки удушливый кашель; она приподнялась в постели, хватая ртом воздух и вся дрожа. Потом стала делать какие-то короткие странные вдохи, будто захлебывалась. Ее уцелевший глаз смотрел, казалось, прямо на Гоху.

Гоха шагнула к девочке и сжала ее левую ручонку в своих руках. Потом проговорила по-каргадски:

– Я служила им, но я их покинула. И я не отдам им тебя.

Девочка смотрела на нее, а может, и просто в никуда, пытаясь вздохнуть, потом еще раз и еще – вздохнула и задышала...

Путь, ведущий к «гнезду ястреба»

Прошло более года. Стояли жаркие солнечные дни – недавно был праздник Долгого Танца. По северной дороге в Срединную Долину пришел сверху, с гор, человек, который разыскивал вдову Гоху. Жители деревни вывели его на нужную тропу, и он объявился на Дубовой Ферме к вечеру того же дня. У него были словно ножом вырезанные черты лица, быстрые цепкие глаза. Он глянул на Гоху, на овец в загоне у нее за спиной и сказал:

– Отличный молодняк. Великий Маг из Ре Альби шлет тебе привет.

– Так ты от него? – удивилась Гоха. Огион, когда она бывала ему нужна, пользовался иными посыльными, куда лучше и быстрее: в таких случаях она слышала либо клекот орла из поднебесья, либо голос самого Огиона, который, тихонько назвав ее подлинное имя, спрашивал: *Придешь?*

Человек кивнул и пояснил:

– Он болен. А ты не собираешься, случайно, продавать приплод этого года?

– Может, и продам. Поговори с пастухом. Он там, в загоне. А может, хочешь сперва поужинать? И если хочешь, прямо здесь и ночуй, только я уж задерживаться не стану: сразу пойду.

– Прямо сегодня?

На этот раз в ее взгляде благодушного любопытства не было и в помине – только насмешка.

– Ну а чего же мне ждать? – удивилась она. Что-то сказала старому пастуху, по прозвищу Чистый Ручей, и решительно двинулась к дому, построенному на склоне холма, среди дубов. Мужчина пошел за ней следом.

В кухне с полом из плитняка девочка, на которую он только раз взглянул и сразу же отвернулся, подала ему молоко, хлеб, сыр и зеленый лук, а потом вышла, не сказав ни единого слова. Потом она появилась снова вместе с Гохой; обе уже собрались в дорогу, за плечами – легкие кожаные мешки. Посыльный вызвался проводить их немного, и вдова заперла дверь дома. Все трое они вышли на дорогу;

у посыльного были еще свои, весьма важные дела – покупка племенных баранов для лорда Ре Альби, а весточку от Огиона он передал просто так, по пути, оказав старому магу добрую услугу. Женщина и девочка с ужасным обгоревшим лицом попрощались с ним там, где дорога сворачивала к деревне, и двинулись туда, откуда он сам только что пришел: в горы, к северу, и потом – снова вниз, к западным предгорьям.

Они шли по неширокой тропе, пока долгие летние сумерки не начали густеть. На ночлег расположились в лощине у ручья, быстрого и бесшумного, в воде которого отражалось бледное вечернее небо, просвечивавшее сквозь ветви низко склонившихся ив. В самой гуще зарослей Гоха приготовила им постель из сухой травы и ивовых листьев; было очень похоже на логово зайца. Она закутала девочку в одеяло и уложила спать.

– Ну вот, – сказала она, – теперь ты у нас кокон. А утром превратишься в бабочку и снова вылетишь на простор.

Она не стала разводить костер, а просто легла рядом с девочкой, глядя на звезды и слушая то, о чем тихонько рассказывал ручей, пока не заснула.

Их разбудил предрассветный холод; женщина разожгла небольшой костерок и вскипятила в котелке воды, чтобы сварить овсяную кашу для девочки и для себя. Маленькая, изувеченная огнем «бабочка», дрожа, выбралась из своего кокона, и Гоха быстренько остудила горячий котелок в покрытой росой траве, чтобы девочка могла взять его в руки и есть прямо оттуда. На востоке небо уже посветлело; когда они вышли в путь, из-за высокого темного плеча горы виднелась полоса разгорающейся зари.

Они шли весь день, но очень медленно: девочка легко уставала. Душа женщины рвалась вперед, но она сдерживала себя. Долго нести девочку на руках у нее не хватало сил, поэтому, чтобы повеселить малышку и отвлечь ее от тягот пути, она рассказывала разные истории.

– Мы идем проведать одного человека, очень старого, его зовут Огион, – рассказывала она девочке, пока они плелись по узкой тропинке, подобно шраму перерезавшей поросший густым лесом склон горы. – Он настоящий мудрец и великий волшебник. Ты знаешь, что такое «волшебник», Терру?

Если у девочки когда-либо и было другое имя, она его не помнила или просто не желала сказать. Так что Гоха звала ее Терру.

Девочка покачала головой.

– Что ж, я ведь, в общем-то, тоже не знаю, – сказала женщина. – Зато я знаю, что волшебники умеют делать. Когда я была совсем молодой – постарше тебя, но все-таки очень юной, – Огион стал мне приемным отцом, так же как я тебе – приемной матерью. Он заботился обо мне и пытался учить меня всяким нужным вещам. Он тогда оставался со мной даже осенью, хотя осенью всегда предпочитал бродить по лесам в полном одиночестве. Он любил путешествовать в этих местах, где мы с тобой сейчас идем, и забирался порой очень далеко в лес, в самые глухие уголки. И везде ко всему присматривался, все и всех слушал. Он всегда всех слушал очень внимательно, потому его и прозвали Молчаливым. Но со мной он часто разговаривал. Рассказывал мне всякие истории. Не только о великих подвигах древних, которые всем известны, – истории о героях и королях и о том, что произошло невесть когда и где, – но и такие, которые знал лишь он один. – Гоха немного помолчала. – А теперь я расскажу одну из них тебе.

Все волшебники очень хорошо умеют превращаться во что-нибудь, изменяя свое обличье. Это волшебство так и называется – превращение. Обычный колдун тоже может стать на кого-то похожим, даже на зверя какого-нибудь, – во всяком случае, некоторое время и не разберешь, кто же это перед тобой на самом деле, как если бы человек вдруг надел маску. Но настоящие волшебники и маги способны на большее. Они умеют не только маски надевать, но и по-настоящему превращаться в иное существо. Например, если волшебнику нужно переплыть море, а лодки у него нет, то он может обернуться чайкой и легко пересечь морской простор. Но ему следует быть очень осторожным. Пока он остается в обличье птицы, то и думает только о том, что важно птицам, забывая то, о чем должны думать люди. Так, может он лететь и лететь, оставаясь чайкой, и никогда больше не стать человеком. Говорят, что когда-то один великий волшебник, который очень любил превращаться в медведя, делал это слишком часто, так что в конце концов насовсем в него превратился и убил своего маленького сынишку; тогда люди были вынуждены начать на него загонную охоту и убить. Только Огион часто над этим подшучивал.

Однажды, когда в его кладовую забрались мыши и перепортили ему весь сыр, он поймал одну мышку с помощью маленького заклятия, взял ее вот так, посмотрел ей в глаза и сказал: «Я же предупреждал тебя: не притворяйся мышью!» И знаешь, даже я почти поверила, что это он всерьез...

Ну хорошо, начнем. История эта немного связана с Великими Превращениями, но Огион считал, что все в ней значительно сложнее: там говорится о том, как можно одновременно быть как бы двумя разными существами и обладать двумя разными душами при одном лишь обличье. А еще он считал, что на такое не способен ни один волшебник. Однако с человеком, обладавшим этой способностью, он встретился в маленькой деревушке на северо-западном побережье Гонта; местечко это называется Кемей. Там жила тогда одна женщина, старая рыбачка, никакая не ведьма и совсем ничему не обученная; зато она слагала прекрасные песни. Благодаря песням Огион и узнал о ней. Он в тот раз бродил, как водится, без всякой особой цели вдоль северо-западного побережья и услышал чье-то пение – так поют, занимаясь, например, починкой сети или шпаклюя лодку. Вот что пели эти люди:

На самом далеком западе,
Там, где кончаются земли,
Народ мой танцует, танцует,
Подхваченный ветром иным...

Огион хорошо расслышал и мелодию, и слова, вот только никогда раньше не знал их, а потому спросил, откуда взялась эта песня. Ему отвечали все разное, и наконец кто-то сказал: «А, так ведь это песня той женщины из Кемея...» Так что Огион отправился прямо в Кемей, небольшой портовый городок на самом берегу моря, где живут в основном рыбаки; там жила тогда и та женщина. Огион отыскал ее дом и постучал в дверь своим волшебным посохом. Какая-то старуха открыла дверь и вышла на порог.

Теперь ты уже знаешь, Терру, – помнишь, мы говорили с тобой об этом? – что у детей должны быть разные детские имена и прозвища, как и у каждого человека есть ненастоящее имя или тоже какое-нибудь прозвище. Разные люди могут называть тебя по-разному. Для меня вот ты – Терру, но это каргадское слово, и, может быть, когда ты подрастешь, у тебя будет другое прозвище, ардическое, которым тебя

будут называть все вокруг. Но в любом случае, когда ты станешь взрослой, то, если все пойдет как надо, непременно обретешь свое подлинное имя. Его дает человек, обладающий магической силой, – настоящий волшебник или маг, ибо в знании подлинных имен и заключено их могущество. Подлинного имени своего ты, возможно, никогда никому другому не скажешь, потому что в нем заключена будет сама твоя душа, твоя суть, вся твоя сила; ведь для кого-то другого знание чужого имени может оказаться тяжким бременем, серьезной опасностью, и подвергать человека и себя такому риску можно, только полностью ему доверяя и сознавая необходимость назвать ему свое имя. Однако Великий Маг, которому ведомы все имена, может узнать твое имя, даже если ты ему его и не скажешь.

Итак, я остановилась на том, что Огион – а он настоящий Великий Маг – встретился на пороге маленького домишка со старой женщиной. И тут он вдруг, отступив немного назад, высоко поднял свой дубовый посох и левую руку, словно желая защитить себя от всепожирающего огня, и, глубоко потрясенный, в страхе очень громко произнес подлинное имя старой женщины:

– Дракон!

И сразу, как он сам рассказывал, женщина исчезла, зато в дыму и великолепии пламени, блестя золотистой чешуей и длинными когтями, перед ним явился дракон, глядевший на него своими огромными глазами. Говорят, что ни в коем случае нельзя смотреть дракону прямо в глаза...

Потом видение исчезло, и вместо дракона он увидел перед собой женщину, стоявшую на пороге ветхого домишка, – немного сутулую высокую старую рыбачку с крупными натруженными руками. Она смотрела на него, он – на нее. И вдруг она сказала:

– Входи же, лорд Огион.

Ну он и вошел. Она угостила его ухой, они пообедали вместе, а потом стали беседовать у камина. Он думал, что старуха непременно владеет искусством Великих Превращений, однако, видишь ли, никак не мог понять, то ли это женщина, умеющая превращаться в дракона, то ли дракон, который может превращаться в женщину. Так что в конце концов он спросил ее: «Ты женщина или дракон?» – и она на этот вопрос не ответила, только сказала:

– Я спою тебе одну старую песнь...

В башмак Терру попал камешек. Они остановились, вытряхнули его, а потом очень медленно пошли дальше, потому что дорога круто ползла вверх, зажатая темными каменными стенами, с которых свешивались ветви густых кустов; в кустах и нагретой траве пели цикады.

– Ну так вот, послушай же историю, которую поведала та женщина Огиону.

Когда в самом начале времен Сегой поднял острова Земноморья из глубин морских, то драконы первыми рождены были землей и ветром, что дул над островами. Так говорится в песни о Созидании. А в песни той женщины говорилось еще и о том, что тогда дракон и человек были едины, принадлежали к одному народу, одной расе и пользовались одним языком – Истинной Речью.

И были они прекрасны и сильны, мудры и свободны.

Но с течением времени все меняется. Вот и в племени драконовлюдей некоторые все больше стремились к полету под небесами и дикой вольности и все меньше времени уделяли Созиданию и Познанию, все меньше времени проводили в домах и городах. Им хотелось лишь лететь и лететь на просторе, охотиться, поедать добычу, не ведая ни забот, ни излишней премудрости, оставаясь вольными и дикими, стремясь к одной лишь свободе.

Другая часть этого племени, наоборот, все реже поднималась в поднебесье, но занята была сбором сокровищ, укреплением своего благополучия, созиданием и накоплением знаний. Они строили дома, замки и крепости, где хранили накопленные сокровища, чтобы потом передать все это своим потомкам, и стремились всемерно увеличить наследство. Постепенно они стали побаиваться диких своих собратьев, которые способны были внезапно прилететь и – часто просто по небрежности или в пылу яростной схватки – уничтожить, сжечь все созданное ими с таким трудом и столь дорогое их сердцу.

Дикие же драконы не ведали страха. Они так ничему и не научились, а потому не умели спастись, когда те, что уже не летали, ловили их в ловушки, словно обычных диких зверей, и убивали. Но тогда другие дикие драконы прилетали и мстили, сжигая прекрасные здания, все уничтожая и круша на своем пути... В этих схватках в первую очередь гибли наиболее сильные и бесстрашные.

Боязливые же стремились избегать подобных сражений, прятались, а если прятаться было негде, то спасались бегством. Они пользовались обретенным мастерством и умением и строили корабли, на которых уплывали все дальше и дальше к востоку, все дальше и дальше от западных островов, где огромные крылатые их собратья вели нескончаемую войну друг с другом среди разрушенных дворцов и замков.

И вот единое ранее племя драконов-людей разделилось на два – одно из них, племя драконов, становилось все малочисленнее, и его представители все больше дичали, мучимые собственной бесконечной, бессмысленной алчностью и злобой, на дальних островах Западного Предела; племя людей, напротив, все более умножалось и процветало в своих богатых городах и селениях; люди жили уже на всех Внутренних Островах Земноморья, заселяя также восточные и южные. Но среди них сохранились еще и такие, кто сберег древнюю мудрость племени драконов – Великий Язык Созидания. Именно они потом стали волшебниками.

Но еще, говорилось в той песни, есть среди людей и такие, кто понимает, что когда-то был драконом. Как и среди драконов некоторые помнят о своем родстве с людьми. И понимающие это говорят, что в те времена, когда единое племя разделилось надвое, некоторые его представители, по-прежнему остававшиеся полудраконами и полулюдьми, улетели, но не на восток, а на запад, и летели все дальше и дальше над просторами Открытого моря, пока не достигли обратной стороны нашего мира. И там пребывают они в ладу и покое – огромные крылатые существа, дикие и мудрые одновременно, обладая человеческим умом и сердцем дракона. Вот потому-то и были в той песни слова:

На самом далеком западе,
Там, где кончаются земли,
Народ мой танцует, танцует,
Подхваченный ветром иным...

Такова прекрасная песнь, которую спела Огиону та старая рыбачка из Кеменя.

Выслушав ее, Огион сказал: «Едва увидев тебя, понял я твою подлинную сущность. Та женщина, которую я вижу сейчас, не более

чем обличье, платье, которое на ней надето».

Но она лишь покачала головой, засмеялась и проговорила: «Ах, если бы это было так просто!»

Спустя какое-то время Огион вернулся в Ре Альби. А потом, когда он рассказывал эту историю мне, сказал вдруг вот что: «С того дня у меня из головы не выходит: бывал ли когда-нибудь человек или дракон так далеко на западе, как о том говорится в ее песни, и кто мы такие, в чем заключается наша сущность и наша целостность?..»

Ты не проголодалась, Терру? Вот здесь как раз очень хорошее местечко. Давай-ка посидим там, над обрывом. Оттуда мы, наверное, сможем увидеть и порт Гонт, что расположен у самой подошвы горы. Это очень большой город, больше даже, чем Вальмут. Вот дойдем до поворота и немножко отдохнем.

Дорога, которая, петляя, шла вверх, на самом верхнем своем витке действительно открывала прекрасный вид на дальние склоны горы, покрытые лесом, и каменистые пастбища, спускавшиеся почти до самой кромки залива; отсюда были видны различные суда на темной воде, издали похожие на светлые легкие древесные стружки или на темных водяных жуков. Вдали, прямо над дорогой и склоном горы, высился обрывистый утес, где и находилось селение Ре Альби, что значит «гнездо ястреба».

Терру ни разу не пожаловалась, но, когда, немного отдохнув, Гоха спросила: «Ну как, пойдём дальше?» – девочка, пристроившаяся на краешке скалы, как бы между синью небесной и синью морской, отрицательно покачала головой. Солнце грело горячо, и они проделали слишком долгий путь с тех пор, как завтракали в лощине у ручья.

Гоха вытащила фляжку с водой, и они вдоволь напились, а потом она дала девочке мешочек с изюмом и орехами.

– Отсюда уже видно то место, куда мы с тобой идем, – сказала она, – и мне бы очень хотелось добраться туда до темноты. Здоровье Огиона сильно тревожит меня. Тебе, конечно, будет трудновато, но быстро мы не пойдём. Зато уже сегодня будем ночевать в тепле, уюте и безопасности. Привяжи-ка этот мешочек к поясу. Изюм прибавит твоим ножкам сил. Хочешь, я сделаю тебе посох – как у волшебников, – чтобы легче было идти?

Терру кивнула, не переставая жевать. Гоха вытащила нож и срезала толстую ветку орешника для девочки, потом, заметив чуть выше по

дороге рухнувшую ольху, отломила одну из ее веток, очистила ее от мелких веточек и сучков и сделала себе крепкий и легкий посох.

Они снова двинулись в путь, и девочка держалась вполне бодро, – видимо, изюм помог ей. Гоха запела, чтобы веселей было шагать; она пела любовные песни, пастушьи песенки и старинные баллады, которые выучила в Срединной Долине, но вдруг, резко оборвав мелодию, умолкла и остановилась, сделав предостерегающий жест.

Впрочем, четверо мужчин на дороге уже успели ее заметить, так что прятаться не имело смысла. Следовало либо идти дальше, либо свернуть на боковую тропу.

– Это просто странники, – шепнула она Терру, покрепче сжала свой ольховый посох и пошла вперед.

То, что говорила Ларк насчет засилья всяких бандитов и воров, было не просто пустой жалобой, свойственной каждому старшему поколению: дескать, все-то теперь не так, как надо, и мир проваливается в тартарары. За последние годы мирная и спокойная жизнь в городах и деревнях Гонга действительно претерпела серьезные изменения. Молодые люди вели себя среди собственных сородичей как чужие, злоупотребляли гостеприимством, воровали, продавали краденое. Нищенство пышным цветом расцвело там, где прежде попрошайничали очень редко, а если милостыня приходилась нищему не по вкусу, он еще и пускал в ход угрозы.

Женщины опасались передвигаться по дорогам в одиночку, хотя и очень страдали от этого. Зато некоторые девушки, наоборот, убегали из дома и присоединялись к бандам воров и браконьеров. И весьма часто уже через несколько месяцев возвращались – мрачные, покрытые синяками и ссадинами и к тому же беременные. А среди деревенских колдунов и ведьм ходили слухи, что колдовству их стало чего-то не хватать: заклятия, что раньше исцеляли всегда, больше не помогали; необычайно трудно стало отыскать потерянный предмет, и порой отыскивалась совсем не та вещь, хотя все слова заклинания были произнесены правильно; любовные зелья вместо страстной любви вызывали кровожадную ревность. Но что хуже всего, те люди, которые и понятия не имели об искусстве магии, о его законах и способах применения, а также об опасности нарушения этих законов, стали называть себя могущественными волшебниками и обещали немислимое богатство и даже бессмертие своим сторонникам.

Айви, ведьма из той деревни, где жила Гоха, весьма мрачно и непонятно говорила что-то о разрушении магических сил. То же самое говорил и Бук, колдун из Вальмута. Это был замкнутый, скромный человек, который специально пришел тогда, чтобы помочь Айви, старавшейся по мере сил облегчить страдания страшно изуродованной огнем Терру. И вот что он сказал Гохе:

– Мне кажется, что раз такое происходит в нашем мире, то наступает конец света, конец времен. Сколько уж столетий прошло с тех пор, как в Хавноре на престоле был настоящий Король? Так оно продолжаться не может. Мы либо снова станем единым государством, либо просто погибнем все, когда острова пойдут войной друг на друга, сосед ополчится на соседа, отец – на сына... – Бук как-то застенчиво поднял на нее глаза, которые, однако, смотрели твердо и ясно. – Кольцо Эррет-Акбе возвращено в королевскую башню, – продолжал он. – Я знаю, кто его туда привез... То был знак... да, конечно, то был знак наступления новых времен! Но мы не вняли поданному знаку. Короля у нас по-прежнему нет. И мы по-прежнему разъединены. Мы должны найти сердце Земноморья, обрести должную силу. Может быть, наконец свое слово скажет наш Верховный Маг. – И колдун прибавил доверительно: – Он ведь и сам с Гонга.

Однако Верховный Маг так ничего и не предпринял, как не появился и законный претендент на королевский престол. А жизнь меж тем становилась все хуже и страшнее.

И теперь со страхом и сдерживаемым гневом смотрела мрачная Гоха на четверых мужчин на дороге. Они стояли по двое с каждой стороны, так что им с девочкой неизбежно пришлось бы пройти меж ними.

Гоха спокойно продолжала свой путь, хотя Терру буквально наступала ей на пятки, прижавшись сзади к ее юбке и совсем низко опустив голову. И все-таки за руку ее девочка не взяла.

Один из встречных, парень с широкой грудью и жесткими черными вислыми усами, заговорил было, чуть ухмыляясь:

– Эй, вы...

Однако Гоха тут же прервала его яростно и громко:

– Прочь с дороги! – И подняла свой ольховый посох так, словно он был волшебный. – У меня дело к Огиону!

И гордо прошла мимо растерявшихся мужчин, за ней трусцой поспешала Терру. Мужчины, видимо приняв ее гнев за колдовство, так и застыли. Возможно, впрочем, на них просто подействовало само имя Огиона. А может быть, какие-то волшебные чары все-таки были в ней самой или девочке? Во всяком случае, когда обе скрылись из виду, один из мужчин сказал:

– Нет, вы видели? – И сплюнул, а потом особым жестом отогнал скверну.

– Настоящая ведьма со своим ведьминским отродьем! – потрясенно сказал второй. – Пусть себе идут своей дорогой!

Третий, человек в кожаной шапке и короткой кожаной куртке, даже немного задержался, молча глядя им вслед. На лице его были написаны ужас и отвращение, но все же он хотел было уже последовать за женщиной и девочкой, когда тот, с длинными черными усами, окликнул его:

– Идем, что ли, Ловкач! – И человек в кожаной куртке и шапке пошел следом за приятелями.

За поворотом, когда мужчины скрылись из виду, Гоха подхватила Терру на руки и бросилась бежать; она бежала до тех пор, пока не была вынуждена остановиться и усадить девочку прямо на землю, долго-долго хватая ртом воздух. Терру никаких вопросов не задавала, все понимала без слов. Едва Гоха отдышалась и смогла идти дальше, Терру, ни секунды не медля, двинулась за ней, не отставая ни на шаг и все время держа ее за руку.

– Ты вся красная, – сказала она. – Как огонь.

Она редко что-нибудь говорила, да и слова произносила невнятно, хриплым голосом, но Гоха хорошо ее понимала.

– Я очень злая, – проговорила Гоха с каким-то странным смешком. – А когда я злюсь, то становлюсь красной. Такой же краснокожей, как варвары с западных островов... Посмотри-ка, вон там впереди селение – это, должно быть, Дубовые Ручьи и есть. Ничего другого на этой дороге быть не может. Там мы с тобой немного передохнем. Может быть, удастся даже раздобыть молока. А потом постараемся – это, конечно, от тебя зависит – добраться до «гнезда ястреба»; мы могли бы там оказаться еще до наступления темноты.

Девочка молча кивнула, достала из своего мешочка немножко изюма и орехов и съела. Потом они пошли дальше.

Солнце давно уже село, когда они наконец миновали деревню и побрели к уединенному жилищу Огиона на самой вершине Большого Утеса. В небесах, над мощным валом облаков, над высоко вздымающимися волнами морскими, засверкали первые звезды. Вечерний бриз гнул к земле короткую траву. Где-то за невысоким домиком заблеяла на выгоне коза. Единственное окно светилось тусклым желтоватым светом.

Гоха прислонила оба их посоха к дверному косяку, взяла Терру за руку и один раз постучала.

Ответа не последовало.

Она резко распахнула дверь и вошла. Огонь в очаге давно погас, угли подернулись сизым пеплом, но крошечный масляный светильник на столе отбрасывал слабое пятнышко света, а с тюфяка, лежавшего на полу в дальнем углу комнаты, слышался голос Огиона:

– Входи, Тенар.

3

Огион

Она уложила девочку спать в алькове у западной стены. Разожгла огонь в очаге. Потом подошла и уселась прямо на пол возле Огиона.

– И никто за тобой даже не ухаживает!

– Я их всех отослал прочь, – прошептал он.

Его темнокожее, с резкими чертами лицо было таким же, как и всегда, только волосы поредели и стали совсем белыми, а неяркий свет не вызывал ответного блеска в его глазах.

– Ты ведь так и умереть мог в одиночестве, – сердито сказала Тенар.

– Умереть мне поможешь ты, ладно? – попросил старик.

– Подожди еще немножко, пожалуйста, – сказала она и, наклонившись, прижалась лбом к его ладони.

– Хорошо. Не сегодня, – согласился он. – Завтра.

И один лишь раз нежно коснулся ее волос – только на это у него сил и хватило.

Она снова выпрямилась. Огонь в очаге разгорелся. Пламя пляшущими языками освещало стены и низкий потолок домика, разгоняя мрак и заставляя темные тени прятаться по углам единственной комнаты.

– Если бы только Гед объявился... – прошептал Огион.

– А ты послал ему весточку?

– Он пропал, – сказал старик. – Пропал. Словно облако густого тумана накрыло землю. И он ушел прямо в этот туман – к западу. И унес с собой ветку ясеня. Исчез в темноте облака. Пропал, пропал мой ястреб...

– Нет, нет, нет, – шептала она. – Он вернется!

Они долго молчали. Тепло от очага начинало окутывать обоих сонной пеленой, и Огион немного успокоился, то задремывал, то снова просыпался, так что Тенар смогла наконец немного передохнуть после целого дня пути. Она растерла ноющие ступни и плечи. Часть пути, особенно когда дорога в последний раз круто пошла вверх, ей

пришлось нести Терру на руках, потому что девочка стала задыхаться – она совсем выбилась из сил, пытаясь поспеть за Тенар.

Потом она встала, согрела воды и тщательно смыла с себя дорожную пыль. Потом согрела молока и съела с ним кусок черствого хлеба, найденного у Огиона в кладовой. Потом снова подошла к старику и уселась рядом. Пока он спал, она сидела, задумчиво разглядывая при свете очага его лицо и тени на стенах.

И думала она о том, что когда-то давным-давно одна девушка часто сидела точно так же ночью в лишенном окон доме, в далекой-далекой стране. С раннего детства девушка эта считала себя Поглощенной. Единственной жрицей и служанкой Темных Сил Земли. А потом, и это тоже было давно, жила-была на свете женщина, и она тоже любила посидеть в мирной тиши деревенского дома и подумать, пока спят муж и дети, пока можно просто побыть часок наедине с самой собой... И когда эта женщина овдовела, с ней в том доме стала жить одна страшно изуродованная огнем девочка, ее воспитанница. Теперь же вдова эта сидела возле постели умирающего старика и очень ждала одного мужчину, надеясь, что он вернется. Как ждут все женщины в мире; как ждет любая из них. В полном соответствии со своей женской долей. Но волшебник Огион призвал ее к себе не тем именем, которое носила жрица Темных Сил, и не тем, которое носила жена, а потом и вдова фермера Флинта. Иным именем называл ее Огион, как и Гед когда-то – во тьме Гробниц Атуана; как и ее мать – страшно давно, очень далеко отсюда, – давшая ей это имя и помнившаяся ей лишь теплым прикосновением и золотистым, словно львиная шкура, светом огня в очаге...

– Я Тенар, – прошептала она.

Огонь, вспыхнув, обвил сухую сосновую ветку ярким желтым своим языком.

Огион вдруг начал задыхаться. Она старалась ему помочь, поддерживая за плечи. Потом он немного успокоился и снова уснул; задремала и Тенар, сквозь сон чувствуя, слушая странное, будто осязаемое, молчание Огиона, прерываемое порой какими-то загадочными словами. Уже глубокой ночью он вдруг воскликнул, словно встретившись на дороге с хорошим другом: «Так, значит, и ты здесь! А его ты видел?» Еще как-то раз он начал говорить чистым детским голоском, когда Тенар встала, чтобы подбросить дров в очаг, и

говорил с кем-то из давнего своего прошлого: «Я пробовал помочь ей, да крыша обвалилась и всех накрыла. Землетрясение же!» Тенар слушала. Она тоже когда-то видела землетрясение. «Я так хотел помочь!» – сказал старик голосом мальчика, и в голосе этом слышались страдание и боль. Потом Огион снова начал задыхаться.

С первыми проблесками зари Тенар проснулась от звуков, которые сперва приняла за удары волн о берег. Но то хлопали крыльями птицы – множество птиц, чудовищная стая, пролетающая прямо над домом. Казалось, поднялась буря, даже свет в окнах померк из-за непрерывного мелькания черных теней. Стая в полном молчании совершила над домом круг и унеслась прочь. Тенар так и не поняла, что это были за птицы.

Домик Огиона, как бы сторонясь людей, примостился к северу от селения Ре Альби. Утром из Ре Альби пришла девушка-пастушка, чтобы подоить коз Огиона, с ней – какая-то женщина и еще люди; все спрашивали, не нужна ли их помощь. Тетушка Мох, деревенская ведьма, ощупав ольховый посох Тенар и ореховую палочку, служившую посохом Терру, сунула было нос в дом, однако войти не осмелилась, тем более что Огион прорычал, не вставая:

– Отошли их всех прочь! Пусть уходят! Все!

Он выглядел так, словно сил у него значительно прибавилось. Когда проснулась маленькая Терру, он немного поговорил с ней – в точности так, как когда-то с Тенар: чуть суховато, но очень добрым и тихим голосом. Потом девочка убежала играть на солнышке, и Огион сказал Тенар:

– Что означает то имя, которым ты ее называешь?

Он хорошо понимал Истинную Речь, но никогда не знал ни слова по-каргадски.

– «Терру» значит «горящий, пылающий», – ответила она.

– Так-так, – промолвил Огион, и глаза его заблестели. Потом он нахмурился, словно пытаясь найти нужные слова. – Этой девочке... – начал он и умолк. – Эту девочку... будут бояться.

– Ее и так уже боятся, – горько сказала Тенар.

Великий Маг покачал головой.

– Ты научи ее, Тенар, – прошептал он. – Научи ее всему!.. Нет, не на Роке. Боятся... Ах, зачем я отпустил тебя? Почему ты тогда ушла? Чтобы привести сюда ее? Слишком поздно...

– Лежи, лежи спокойно, – нежно уговаривала его Тенар, потому что Огион все пытался сказать что-то еще, найти какие-то важные слова, ему не хватало воздуха, он снова начал задыхаться. В конце концов, тряхнув головой, он выговорил с трудом:

– Научи ее! – и умолк надолго.

Есть он отказывался и только понемножку пил воду. Где-то около полудня заснул, а проснувшись – ближе к вечеру, – сказал:

– Пора, дочка, – и сел.

Тенар, улыбаясь, взяла его за руку.

– Помоги-ка мне встать, – сказал ей Огион.

– Нет-нет, что ты!

– Да, – сказал он. – На волю. Я не могу умереть взаперти.

– Куда же ты хочешь пойти?

– Все равно. Но лучше бы на лесную тропу, – сказал он. – К тому буку, что растет на холме, над лугом.

Увидев, что у Огиона хватило сил самостоятельно встать и он полон решимости непременно выйти из дома, Тенар бросилась ему помогать. Вместе они добрались до двери, и он, обернувшись на пороге, окинул прощальным взором свое жилище. В темном углу справа от двери стоял, чуть-чуть светясь, его высокий посох. Тенар потянулась было за ним, но Огион только покачал головой.

– Нет, – сказал он, – не нужно. – И осмотрелся, словно пытаясь что-то вспомнить. – Пошли.

Когда на залитом солнцем крыльце в лицо ему ударил свежий западный ветер, он посмотрел куда-то вдаль и промолвил:

– Хорошо!

– Разреши мне позвать кого-нибудь из деревни, и мы отнесем тебя на носилках, – попросила его Тенар. – Все только и ждут случая, чтобы хоть что-нибудь для тебя сделать.

– Я хочу дойти на собственных ногах, – сказал старик.

Из-за дома выбежала Терру и с серьезным видом смотрела, как медленно, останавливаясь через каждые пять-шесть шагов, чтобы Огион мог отдышаться, идут они через поросший травами луг к лесу, снизу доверху покрывавшему крутые склоны Большого Утеса. Солнце пекло немилосердно, а ветер был почти ледяным. Им понадобилось очень много времени, чтобы пересечь луг. Лицо Огиона стало серым, ноги подгибались, словно трава под ветром, когда они

наконец добрались до рослого молодого бука почти на самой опушке, в нескольких шагах от начала тропы, круто поднимающейся в гору. Там старый маг рухнул на землю между корнями дерева, прислонившись спиной к стволу. Довольно долго он не мог ни говорить, ни двигаться, а сердце его билось такими отчаянными неровными толчками, что казалось – грудная клетка вот-вот разорвется. Наконец он успокаивающе кивнул Тенар и шепнул:

– Все в порядке.

Терру все время шла за ними следом на некотором расстоянии. Тенар подошла к девочке, обняла ее и что-то сказала. Потом вернулась к Огиону.

– Она сейчас принесет одеяло, – сказала она.

– Мне не холодно.

– Зато мне холодно, – чуть улыбнувшись, возразила Тенар.

Терру, нагруженная одеялом из козьей шерсти, вернулась очень быстро. Она что-то шепнула Тенар и снова убежала.

– Вереск позволила ей подоить козу. Заодно и присмотрит за девочкой, – сказала Тенар Огиону. – Так что я могу остаться здесь, с тобой.

– Вечные заботы, и никогда ничего для себя, – сказал он хриплым свистящим шепотом: больше голоса у него не осталось.

– Да, почему-то всегда не меньше двух дел сразу, – согласилась она. – Но сейчас-то я здесь.

Он кивнул.

Довольно долго Огион молчал – просто сидел, опершись спиной о могучий ствол дерева и закрыв глаза. Глядя на его лицо, Тенар видела, как оно гаснет – так же медленно, как небо на закате.

Потом он открыл глаза, всматриваясь в видневшееся сквозь густые ветви небо. Казалось, он наблюдает, как там, в дальних далях, залитых золотистым светом, свершается нечто великое. Один раз он даже прошептал неуверенно, словно сомневаясь:

– Дракон?..

Солнце село, улегся ветер. Огион перевел свой взгляд на Тенар.

– Кончено! – прошептал он возбужденно. – Теперь все переменяется!.. Все переменяется, Тенар! Ты жди... Жди здесь, потому что... – Тело Огиона сотрясла сильная дрожь, он, задыхаясь, затрепетал, словно ветка дерева на сильном ветру. Веки его то

приподнимались, то опускались, взгляд был устремлен куда-то вдаль, поверх головы Тенар. Он накрыл ее руку своей рукой; она склонилась к нему, и он назвал ей свое подлинное имя, чтобы после смерти остаться в памяти людей в истинном обличье.

Потом Огион сжал руку Тенар и, плотно зажмутив глаза, снова начал мучительную схватку со смертью, пытаясь вдохнуть хотя бы глоток воздуха, пока не затих совсем. И тогда распростертый на земле Огион стал похож на один из корней могучего бука. На небе загорались первые звезды, и свет их падал сквозь листву и ветви деревьев.

Тенар сидела рядом с умершим в сгущающихся сумерках, в наступившей потом темноте... Вдруг на лугу огненной мухой мелькнул свет фонаря. Она укрыла теплым шерстяным одеялом и себя, и покойного, но рука ее, что крепко сжимала его руку, совершенно окоченела, как если бы она держала в ней ледышку. Она еще раз коснулась лбом ладони Огиона и с трудом встала. Голова у нее кружилась, тело не слушалось и казалось чужим. Тенар пошла навстречу тому, кто шел сюда по лугу сквозь ночь.

И до рассвета соседи Огиона сидели с ним рядом, и он никого не отослал прочь.

Дворец властелина Ре Альби возвышался на голой скале прямо над Большим Утесом. Рано утром, задолго до того, как солнце добралось до западного склона горы Гонт, волшебник, что служил у лорда, спустился по дороге, ведущей из поместья через деревню к дому Огиона. Вскоре явился и еще один волшебник, преодолевший трудный крутой подъем от порта Гонт до Ре Альби, да еще в темноте. То ли они получили известие о скорой кончине Огиона, то ли узнали о смерти Великого Мага благодаря собственной волшебной силе – неизвестно.

В Ре Альби не было своего волшебника или колдуна – рядом жил сам Огион, да еще кое-какую помощь людям оказывала местная ведьма, тетушка Мох; она могла отыскать потерянную вещь, вылечить от хвори, вправить кости – ради таких мелочей никто не стал бы беспокоить старого мага. Тетушка Мох обладала весьма суровым нравом, никогда не была замужем и, похоже, никогда не мылась. Ее седые волосы являли собой чудовищное переплетение замысловатых магических узелков, а веки покраснели от бесконечных курений

волшебных трав. Это она первой пришла тогда с фонарем через луг, а потом вместе с Тенар и остальными всю ночь просидела у тела покойного Огиона. Во время этого бдения именно она зажгла восковую свечу под стеклянным колпаком и воскурила сладкие масла на глиняном блюде; она произнесла все необходимые в таких случаях слова и вообще сделала все, что нужно было сделать. Перед обмыванием тела она только раз глянула на Тенар, как бы испрашивая разрешения, и сразу же занялась привычным делом. Ведь именно деревенские ведьмы не только обряжают покойников, но часто и хоронят их.

Когда же в лес явился волшебник лорда Ре Альби, высокий молодой человек с сосновым посохом, украшенным серебряным набалдашником, а потом пришел и второй, из порта Гонт (это был полный мужчина средних лет с коротким тисовым посохом), тетушка Мох даже не подняла своих налитых кровью глаз, а продолжала кланяться, и пришепетывать, и снова кланяться, собирая воедино все свои небогатые запасы волшебства.

Когда же наконец она уложила покойного так, как ему должно лежать в могиле – на левом боку, с согнутыми коленями, – то напоследок вложила в его раскрытую левую ладонь крошечный амулет, плотно завернутый в кусок мягкой козьей шкуры и перевязанный крашеной тесемкой. Волшебник из Ре Альби небрежно отшвырнул сверточек концом своего посоха.

– Выкопана ли могила? – спросил волшебник из порта Гонт.

– Да, – ответил ему волшебник лорда. – Она вырыта во дворе моего господина. – И он показал в сторону поместья.

– Понятно, – сказал волшебник из порта Гонт. – Я-то думал, что Великий Маг будет похоронен в центре нашего города, который он когда-то спас от землетрясения.

– Мой господин пожелал сам удостоиться чести похоронить лорда Огиона, – заявил тот, что из поместья Ре Альби.

– Но тогда получится... – начал было тот, что из порта Гонт, и умолк, не желая спорить, но не смирившись со столь легковесными доводами. Потом глянул на покойного. – Придется его похоронить безымянным, – проговорил он с сожалением и горечью. – Я шел всю ночь, но все-таки опоздал. Из-за этого невосполнимая наша утрата становится еще горше.

Молодой волшебник промолчал.

– Его подлинное имя было Айхал, – сказала Тенар. – И согласно его воле он должен покоиться здесь, где лежит сейчас.

Оба волшебника уставились на нее одновременно. Молодой увидел всего лишь пожилую деревенскую женщину и молча отвернулся. Тот же, что пришел из порта Гонт, долго не сводил с нее глаз, а потом спросил:

– Кто ты?

– Меня зовут Гоха, я вдова фермера Флинта, – отвечала она. – А уж кто я на самом деле – вам, по-моему, лучше знать. Да и с какой стати мне говорить вам это?

При этих словах волшебник лорда сподобился удостоить ее взглядом.

– Эй, женщина, попридержи-ка язык! Как ты смеешь говорить так в присутствии двух волшебников! – бросил он.

– Постой, – добродушно попытался утихомирить его тот, что пришел из порта Гонт. Он по-прежнему внимательно смотрел на Тенар. – Ты ведь была... когда-то его ученицей?

– И другом, – отрезала Тенар. Потом резко отвернулась и замерла: она услышала гнев в собственном голосе, произносящем слово «друг». И стала смотреть на своего старого друга, лежащего на земле, готового уйти в эту землю, навеки утраченного, недвижимого... А эти люди толпились вокруг, живые, полные сил, не испытывающие ни капли дружеского сочувствия – одну лишь зависть да удовлетворение при виде поверженного соперника и злобу.

– Простите, – сказала она. – Слишком долго тянется ночь. Я была с ним рядом, когда он умер.

– Но это не... – начал было молодой волшебник, но тут неожиданно его прервала тетушка Мох, яростно бросившаяся на защиту Тенар:

– Да, была! Была! Никого не было, кроме нее. Он за ней и послал. Молодого Таунсенда, торговца овцами, – чтоб весточку ей передал. И дожидался, все не умирал, пока она не пришла. И это она была с ним все время, и она знает, где он должен быть похоронен. Здесь вот!

– И он, – спросил тот волшебник, что был постарше, – он назвал тебе?..

– Назвал свое имя. – Тенар посмотрела на них: недоверие написано было на лице старшего, удовлетворение, нескрываемое удовлетворение светилось на лице более молодого. И она не стала скрывать своего презрения. – Я ведь уже один раз произнесла его вслух. Неужели я должна повторять?

К ужасу своему, по выражению их лиц она поняла, что волшебники эти действительно не расслышали подлинного имени Огиона: они тогда просто не обратили на нее внимания.

– О! – воскликнула она. – Что за ужасные времена настали: даже такое имя остается неслышанным и, произнесенное в тишине, звучит не громче упавшего на землю камушка! Разве умение слушать других – не великое мастерство? Что ж, слушайте снова: имя его было Айхал. И после смерти будет – Айхал. И в песнях, что сложат о нем, он будет Айхалом с острова Гонт. Если в теперешние времена кто-то может еще слагать настоящие песни. Он был очень молчаливым человеком. А теперь умолк совсем. И может быть, никаких песен больше не будет, одно лишь молчание. Не знаю. Устала я очень. Я потеряла отца и дорогого друга... – Голос ее предательски дрогнул, горло сдавили рыдания. Она отвернулась и хотела уйти. Но тут заметила на тропе, ведущей в лес, тот крошечный узелок, что приготовила для покойного тетушка Мох. Она подняла узелок, опустилась возле Огиона на колени, поцеловала открытую ладонь его левой руки и вложила туда амулет. Потом, не поднимаясь с колен, еще раз взглянула на возвышавшихся над ней двух мужчин. И тихо промолвила:

– Вы позаботитесь о том, чтобы могилу ему вырыли там, где он хотел?

Первым кивнул тот, что был постарше, следом за ним – молодой.

Она встала, отряхнула юбку и пошла прочь, через луг, залитый яркими лучами утреннего солнца.

Легкий ветерок, поднявшийся с восходом солнца, дул с острова на восток, в сторону моря. Клэй, дрожа и задыхаясь, скорчился на тропе перед домом. Его сестра, застыв на краю утеса, неотрывно смотрела в сияющую пустоту над безмятежным морским простором. Колдун грудой грязной окровавленной одежды валялся на земле. А в доме уже проснулись люди – они толпились в дверях, выглядывали из окон.

Уид подошла к трупу, швырнула на землю окровавленный кинжал и сказала брату:

– Все это теперь твое. Твое.

Клэй вскинул на нее ничего не понимающие глаза. Лицо его казалось совершенно бессмысленным, губы так дрожали, что он с трудом вымолвил:

– А ты куда, Лили?

– Домой.

Она прошла напрямик через сады Одрена, через господские поля, через овечий выпас, сокращая путь до своей фермы. Когда она наконец вошла во двор, солнце было уже довольно высоко, но во дворе никого не оказалось, и она поспешила в дом. Фермер, его дочь и Хови по-прежнему молча сидели там и ждали.

– Дело сделано. Все кончено, – только и сказала она.

Задавать ей вопросы они не осмелились. И только девочка Кlover все-таки спросила шепотом:

– А колдун?

– Мертв. И моя мать тоже, бедная пропащая душа.

Мужчины же так и не проронили ни слова.

– А стоячий камень разбит. – Уид глубоко вздохнула. – И мой брат вступил в права наследования.

Хови глазами указал на дверь, спрашивая, можно ли ему уйти. Уид кивнула и повернулась к девочке:

– Кlover, ты кур выпустила?

Кlover тут же скользнула во двор следом за Хови.

А фермер Лавр поднялся да так и застыл у стола, опустив руки по швам. Помолчав еще немного, он смущенно прогудел своим глубоким басом:

– Значит, теперь ты тоже туда вернешься.

– Туда? Зачем это? – Уид прошла в дальний конец комнаты, потом заглянула на кухню, налила в миску воды и принялась тщательно

отмывать руки. – С какой это стати мне вас-то бросать – тебя и Кlover?

Он промолчал.

Уид снова зашла в комнату, вытерла руки какой-то тряпицей и повернулась к нему лицом:

– Ты принял меня в дом. Ты на мне женился. Ты всегда был добр ко мне. А я – к тебе. Разве что-то еще может иметь для нас значение?

Но он все стоял и молчал, так до конца и не убежденный.

– Я свободный человек, – сказала Уид.

– Бедная это свобода.

И тогда она взяла руку мужа, поднесла к губам его толстые, загрубелые от работы пальцы, поцеловала их, потом слегка оттолкнула от себя его ручищу, словно возвращая ее хозяину, и сказала:

– Давай-ка, муженек, берись за работу. Теперь нашим хозяином стал мой брат. И может быть, нам повезет и он окажется добрее предыдущих хозяев. А обед я тебе на Нижний луг принесу.

Свет домашнего очага

Он вспоминал «Зоркую», брошенную много лет назад на песчаном берегу острова Селидор. Теперь от нее уже мало что осталось, – может, одна-две дощечки от обшивки и зарылись в песок, точно кусок плавника, принесенный Западным морем. Уже засыпая, он думал о том, как они с Ветчем ходили на этой лодке под парусом, только не по Западному морю, а по Восточному – мимо острова Фар-Толи, в сторону, противоположную Архипелагу. Впрочем, воспоминания об этом путешествии были не слишком отчетливы, ибо душа его тогда пребывала в великом смятении; он был охвачен страхом и слепой решимостью настигнуть проклятую Тень. Долгое время Тень сама охотилась за ним, но теперь, наоборот, он преследовал ее, гнался за ней через все это бескрайнее пустое море. Он и сейчас отчетливо слышал плеск волн, разрезаемых носом «Зоркой», видел парус над головой, смуглую руку Ветча на руле и его спокойные глаза, смотревшие только вперед. Лицо у Ветча было гладкое, высокие скулы туго обтянуты темной кожей. Теперь-то он наверняка уже старик, если вообще еще жив. Когда-то, думал он, я легко мог бы послать ему весточку и узнать, как он там. А теперь мне, чтобы его увидеть, и весточки никакой посылать не нужно – он и так сразу предстает у меня перед глазами, как и его маленький остров в Восточном Пределе, как и тот домик, где они жили вместе с сестрой; она еще, помнится, любила носить на руке вместо браслета крошечного дракончика. Дракончик шипел на меня, чужака, а она смеялась... Вот и сейчас он снова плывет и плывет на восток, и вода плещется о деревянные борта его верной лодки, и Ветч рядом с ним неотрывно смотрит вдаль, надеясь, как и он сам, высмотреть Тень в бесконечном морском просторе. Он вроде бы тогда даже волшебный ветерок поднял, чтобы наполнить парус, да только «Зоркой» это было не нужно: она и сама прекрасно умела любой ветер поймать. И хорошо знала, куда все они путь держат.

Но потом плыть ей оказалось не под силу. Глубокое море вдруг обернулось мелью прямо у нее под днищем, а потом и вовсе высохло; она заскребла дном по песку и камням, со всех сторон окруженная сушей, и замерла в полной неподвижности, окутанная непроглядной темнотой.

И тогда он шагнул за борт и пошел, хотя им с Ветчем по-прежнему казалось, что вокруг бездонные морские глубины. Но море у него под ногами оборачивалось сушей, и он уходил все дальше и дальше, вглубь этой Сухой Страны.

Все это теперь в прошлом. Перед его мысленным взором неторопливо разворачивалась знакомая картина: та страна, что простиралась за каменной стеной. Впервые он увидел эту стену, когда пытался нагнать и спасти умирающего ребенка. Тот молча бежал от него по темному склону, ведущему от каменной стены вниз. Потом он не раз видел эту страну мертвых. Он прошел ее насквозь; видел призрачные города и безмолвных людей, похожих на тени и равнодушно взиравших как на него, так и друг на друга; видел неподвижные звезды, вечно светившие в темных небесах. Да, все это в прошлом. Но тогда им все же удалось разорвать это мертвое небо, сломать проклятую стену, открыть проход в мир живых. Их было трое – юный король, скромный волшебник и дракон, неустанно паривший над ними и озарявший мертвые небеса своим живым огнем... Каменная стена рухнула, и оказалось, что ее никогда и не было, что это всего лишь колдовские чары, нечто воображаемое, некая ошибка. И наваждение исчезло.

Но тогда, значит, исчезли и те горы? Те Горы Горя, что высились на границе двух миров? Они были очень далеко от каменной стены, по ту сторону безжизненной пустыни, и их остроконечные вершины казались абсолютно черными на фоне неба с неподвижными мертвыми звездами. Тогда они вдвоем с молодым королем прошли всю Сухую Страну насквозь, чтобы добраться до этих гор. Им казалось, что горы где-то на западе, только шли они явно не на запад; да там, собственно, вообще нельзя было определить направление. Там можно было двигаться только вперед и вверх – так они и поступали и в итоге оказались у высохшего русла мертвой реки. Это было самое темное место, но они пошли дальше. Он тогда шел только вперед, понимая, что оставил позади – в безводном овраге среди скал, которые исцелил и запечатал намертво, – свое главное сокровище, свое богатство, свой чудесный дар, свое волшебное могущество. Однако он продолжал идти, даже когда совсем охромел и хромал все сильнее. И там не было ни капли воды, там даже звука воды никогда не слышалось. А они, безмерно страдая от жажды, все карабкались по тем жестоким

склонам. Хотя, впрочем, какая-то тропа там, кажется, все-таки была, хоть и покрытая обломками острых камней. Эта тропа вела все время вверх, становясь все круче и круче, и через некоторое время ноги отказались его держать, и он упал, но попытался ползти на четвереньках по острым камням. Это он еще помнил. А вот то, что было потом, кануло в беспамятстве. Еще он помнил старого дракона Калессина, его чешую цвета ржавого железа, жар драконьего тела и огромные крылья, плавно поднимавшиеся и опускавшиеся в полете. Помнил, как их окутывал густой туман, а далеко внизу временами мелькали острова, полускрытые этим туманом. Но те черные горы там так и остались. Они не исчезли вместе с Темной Страной. Они не были частью того чудовищного сна-защиты, той жизни-после-смерти, той страшной ошибки. Они существовали всегда.

«Но здесь-то их нет, – подумал он. – Отсюда, из этого дома, их увидеть невозможно. Окно в алькове смотрит на запад, но это не тот запад. Те страшные горы высятся там, где запад – это восток, и в том краю никакого моря нет. Там только суша и склоны бесконечных холмов, уходящие в долгую ночь. А на западе, *настоящем* западе, есть только море и морской ветер».

Это было похоже на видение, хотя, пожалуй, он скорее все это ощущал, а не видел; *чувствовал*, сколь глубоко под ним недра земные, сколь безбрежно и глубоко море, расстилающееся вокруг острова. Странно было сознавать все это, но понимание этих вещей делало его счастливым.

Свет очага играл с тенями, притаившимися в потолочных балках. Близились ночь. Было бы так хорошо посидеть у огня, глядя на его пляшущие языки, но для этого пришлось бы встать, а вставать ему еще не хотелось. Он лежал, окутанный приятным теплом, слушая, как рядом на кухне возится Тенар – что-то рубит, потом орудует кочергой, собирая в кучку горящие головни, чтобы поскорее закипела вода в чайнике. Дрова еще от того старого дуба, что рос на пастбище, а потом рухнул; он позапрошлой зимой порубил его на дрова. Тенар принялась было тихонько напевать что-то, потом пробормотала, словно желая себя подбодрить и поскорее закончить работу: «Ну ладно, давай-ка теперь...»

Из-за угла низкой кровати осторожно выглянул кот, обошел ее вокруг, легко запрыгнул на постель и устроился в изножье. Кота явно

только что накормили, и он принялся умываться – тщательно чистил мордочку и ушки, облизывая одну лапу и терпеливо повторяя эту операцию, затем предпринял основательную мойку лап и хвоста, выставляя пистолетом задранную заднюю лапу и придерживая ее передней, чтобы как следует вылизать между когтями, и так вцеплялся в собственный хвост, словно опасался, что тот от него удерет. Время от времени кот застывал и настороженно поднимал голову, глядя в пространство странным отсутствующим взглядом и словно прислушиваясь к чьим-то указаниям. Наконец, удовлетворенно рыгнув, он устроился возле ног Геда, намереваясь вздремнуть. В прошлом году этот кот, будучи еще маленьким серым котенком и прогуливаясь по тропе, ведущей из Ре Альби, забрел к ним в дом, и Тенар решила, что он, должно быть, явился сюда из дома дочери Фана, которая держала двух коров, так что в коровнике у нее вечно путались под ногами кошки и котята. Тенар оставила котенка у себя и стала кормить его молоком, кашей и обрезками мяса, когда оно у них было; впрочем, вскоре он и сам стал прекрасно себя обеспечивать, и мелкие коричневые крысы, во множестве селившиеся на пастбище, в дом больше никогда не совались. Иногда по ночам было слышно, как кот выдает страстные арии, охваченный непобедимым любовным пылом. А утром он, усталый, валялся на камнях очага, еще долго сохранявших тепло, и готов был проспать так хоть целый день. Тенар назвала его Барун, что по-каргадски значит «кот».

Иногда Гед про себя так и называл кота – Барун; а иногда соответствующим ардическим словом «Миру»; а иной раз вспоминал даже его Истинное Имя на Древнем Языке. Ведь он так и не забыл того, что знал прежде. Только теперь ему, после того, что им с Лебанненом пришлось пережить в овраге на берегу высохшей реки, где один глупец ухитрился проделать дыру в ткани мироздания, все эти знания были ни к чему. Ему, Геду, пришлось тогда уничтожить этого глупца, а дыру заделать, пожертвовав всей своей собственной жизненной силой и волшебным могуществом. Да, он и сейчас мог бы, конечно, попытаться призвать кота его Истинным Именем, вот только кот даже не подумал бы проснуться или хотя бы посмотреть на него. Гед пробормотал это Имя себе под нос, но Барун, разумеется, продолжал спать.

В общем, он ведь тогда всю свою жизнь отдал там, в той ненастоящей стране. И все же сейчас-то он здесь. И жизнь его продолжилась здесь, вернувшись почти к своим истокам и укоренившись в этой земле. Они тогда сумели выбраться из того темного оврага, из той страны, где запад – это восток и где нет никакого моря, и продолжали идти туда, куда и должны были идти, преодолевая черную боль и стыд. Только под конец он уже не способен был идти сам, сил у него совсем не осталось, он их все истратил там, у русла высохшей реки, и тогда молодой король взвалил его на плечо и понес. А потом его нес на спине старый дракон. И он, беспомощный, словно заново родился для другой жизни, которая всегда была где-то рядом и покорно его ждала, безмолвная и прекрасная. Была ли то реальная жизнь или ее тень? Эта новая жизнь была лишена волшебного дара, лишена былого могущества, зато в ней были Тенар и Техану. Любимая женщина и любимая дочь – дочь дракона, дочь Сегоя, маленькая изувеченная девочка.

Он вдруг подумал: как же все-таки получилось, что именно тогда, лишившись власти и могущества, он наконец обрел свое человеческое наследие?

И мысли его вновь потекли проторенным путем, который он часто выбирал в последние годы, и привели к удивительному заключению: ведь каждому волшебнику в Земноморье было известно и о Великом Равновесии сил, и об обмене одной силы на другую – например, сексуальной мощи на магическое могущество; каждый, кто имел дело с магией, прекрасно об этом знал, но вслух об этом *никогда не говорили*. Это не называли ни обменом, ни сделкой, ни даже неким выбором. Это вообще никак не называли. Это считалось само собой разумеющимся.

Деревенские колдуны и ведьмы запросто женились, выходили замуж и рожали детей – и все это считалось очевидным доказательством их профессиональной неполноценности. Обет безбрачия – вот та цена, которую платил каждый настоящий волшебник, платил охотно и по собственной воле, ибо желал обрести куда более великое могущество. Но разве сама природа подобной цены, ее неестественность не наносила ущерба полученному при этом условию могуществу?

Всем было известно, что ведьмы имеют дело с вещами нечистыми, с Древними Силами Земли. А также умеют составлять примитивные заклятия, способные, например, свести мужчину и женщину вместе, или дать кому-то возможность удовлетворить свою ненасытную похоть, или позволить отомстить врагу. Но чаще всего ведьмы использовали свой дар в самых тривиальных целях – лечили не тяжелые болезни, латали дыры, искали потерянные предметы. И колдуны занимались примерно тем же. Но как известно, не зря старинная поговорка гласит: «Слабый, как женские чары, опасный, как женские чары». Сколько же в ней правды, а сколько страха?

Первый учитель Геда, Огион, учившийся мастерству у волшебника, который все свои знания и умения приобрел у обыкновенной ведьмы, внушал ему, что совершенно недопустимо относиться к деревенским ведьмам и колдунам со злобой и презрением. И все же Гед чуть ли не с самого начала испытывал подобное презрение, и оно только усилилось после его пребывания на острове Рок. Потом ему пришлось долго от этого отучиваться, что оказалось весьма нелегко.

А ведь и меня, в конце концов, основам магии первой научила именно женщина, простая деревенская колдунья, подумал он, и эта мысль показалась ему чуть ли не откровением. Это случилось давным-давно в деревне Десять Ольховин, что по ту сторону горы. Тогда меня еще звали Дьюни. Услышав, как сестра моей матери, Раки, сзывает коз, я попытался точно так же призвать их к себе, поскольку помнил, какие слова она произносила, и козы действительно явились и, зачарованные, сгрудились вокруг меня, а снять чары я не умел. Тогда меня спасла Раки. В тот ли раз она поняла, что у меня есть дар? Нет, пожалуй, она догадалась об этом гораздо раньше и внимательно наблюдала за мной, ведь я с раннего детства был на ее попечении. Она наблюдала за мной, но уже все понимала. «Один волшебник всегда другого узнает...» Хотя, если б я вздумал так ей сказать, она бы заявила, что с моей стороны очень глупо называть ее волшебницей. Она и впрямь была всего лишь невежественной суеверной женщиной, отчасти даже обманщицей, и зарабатывала себе на хлеб в своей деревушке, используя жалкие обрывки магической премудрости и немногочисленные известные ей слова Истинной Речи – этакую мешанину из искаженных и подтасованных заклятий и фальшивых знаний, которые она, впрочем, и сама зачастую считала фальшивыми.

Она была именно такой деревенской ведьмой, какими мудрецы с острова Рок ведьм и считали, относясь к ним с полным презрением. Но свое ремесло Раки знала хорошо. И хорошо понимала, что такое настоящий волшебный дар. Понимала, какое это сокровище.

Он вдруг утратил нить своих рассуждений, охваченный волной воспоминаний о раннем детстве, о деревушке, примостившейся на крутом склоне горы, о вечно волглой постели, о запахе древесного дыма полутемным утром в жестокие зимние холода. Зимой те редкие дни, когда ему удавалось нормально поесть, казались поистине чудесными, и он еще долго потом о них вспоминал. Половину времени он тогда проводил в отцовской кузне, у горна, то и дело уворачиваясь от тяжелой руки отца; ему приходилось без конца раздувать огромные мехи, и к вечеру спина и руки у него так уставали, что от боли буквально горели огнем, а еще огнем горела кожа на лице и руках, обожженная искрами, от которых он не успевал вовремя увернуться; но отец все равно вечно кричал на него, бил и в приступе ярости отшвыривал в сторону, как щенка. «Ты что, не можешь огонь по-человечески поддерживать, чтоб ровно горел? Ах ты, болван бесполезный!»

Но он не плакал. Сдерживался. И говорил себе, что когда-нибудь сам побьет отца. А пока будет терпеть и молчать. Но потом вырастет и непременно его побьет. А может, и убьет. Но это когда он станет взрослым мужчиной. И будет много знать и многое уметь.

И разумеется, к тому времени, когда он уже многое понял и узнал, ему стало ясно, какой бессмысленной тратой времени и сил был весь этот гнев. И он отнюдь не открывал ему путь к свободе. А те несколько слов, которым научила его ведьма Раки – по одному жалкому словечку за урок, ворча и скупясь, выдавая ему эти волшебные слова, точно жалкую подачку, – заработанные тяжким трудом и такие немногочисленные и разрозненные, все-таки указывали ему путь к свободе. Например, узнав Истинное Имя воды и произнеся его, можно было заставить ее подняться из земных недр в виде родника. А если знаешь Истинное Имя ястреба, выдры, желудя или даже ветра, то всегда можно призвать их к себе.

О, какое это было счастье – узнать Истинное Имя ветра! Какое чистое наслаждение давало ему одно лишь понимание того, что он обладает таким могуществом, как умение призывать ветер! Он тогда

выбежал из дома и бежал без остановки до самого Верхнего водопада, мечтая остаться в одиночестве и насладиться общением с ветром, который с силой дул в западном направлении откуда-то с дальних островов Каргадского моря. И он, зная Истинное Имя этого ветра, мог ему приказывать...

Но и это тоже все в прошлом. Затерялось в дымке времени. Хотя все Истинные Имена он и сейчас отлично помнит. Он помнит все слова Истинной Речи, которые выучил когда-то у Курремкармеррука в Одинокой Башне, да и в последующие годы. Но если ты лишаешься дара, то и слова Истинной Речи начинают значить для тебя не больше, чем слова любого другого языка – ардического, каргадского, птичьего или кошачьего, которым пользуется кот Барун, когда поет и воет в любовной тоске.

Гед сел в кровати, вытянув перед собой руки, и Тенар, проходя мимо с охалкой растопки для очага, спросила:

– Ты над чем это смеешься?

– Не знаю, – немного растерянно ответил он. – Я нашу деревню Десять Ольховин вспоминал.

Она очень внимательно на него посмотрела, потом улыбнулась и подошла к очагу, чтобы подкормить огонь. Геду хотелось встать и посидеть у очага вместе с ней, однако он остался лежать. Ему очень не нравилось, какими ненадежными и неустойчивыми стали его ноги, особенно когда он резко вставал с постели; его раздражало, что он так быстро утомляется, что больше всего ему хочется лежать тихонько и смотреть на огонь в очаге и на дружелюбные тени, пляшущие на потолочных балках. С тринадцати лет ему был знаком каждый уголок в этом доме – с того самого дня, когда Огион впервые привел его сюда, на эту сторону горы, перед этим совершив над ним обряд наречения именем у родников Ар. Шли они медленно и всегда получали гостеприимный прием в таких же бедных деревушках, как Десять Ольховин, а иной раз ночевали прямо в лесу, в тишине, под дождем. А потом пришли в этот дом. В самую первую ночь Огион уложил его именно здесь, в этом маленьком алькове, и он смотрел на звезды за окном и на огонь, пляшущий в очаге и отбрасывающий тени на потолочные балки. Он тогда не знал, что подлинное имя Огиона – Элеал, а Огион – имя подменное. Ему еще только предстояло многое узнать и многому научиться.

У Огиона хватало терпения, чтобы учить его, вот только у него самого не всегда хватало терпения учиться... Ну что ж, ничего не поделаешь. Теперь поздно об этом говорить. Да и все равно он, пусть спотыкаясь и совершая бесконечные ошибки, сумел нащупать свой путь и пройти его до конца. Правда, одна его ошибка оказалась очень большой: он тогда нарушил закон Равновесия и выпустил в этот мир зло, использовав заклинание, которое узнал на острове Рок. Впрочем, еще до того, как он в этом заклинании разобрался, ему удалось отыскать слова заклинания в книге Огиона. Это было еще здесь, в этом доме, который потом стал для него родным. Вот тогда-то впервые он со всей свойственной ему невежественной смелостью и призвал ту Тень, тот сгусток тьмы, то безликое существо, которое сперва пряталось за дверь, а потом вдруг потянулось к нему, что-то настойчиво шепча. Да, он сам тогда призвал это зло сюда, в дом Огиона. А ведь это был и его дом... Мысли Геда вновь спутались и поплыли куда-то не туда. Мысли покачивали его, как волны, и ему казалось, что он снова плывет на «Зоркой» по темному морю совсем один беззвездной ночью, а вокруг лежит великая тьма и лишь направление ветра подсказывает, в какую сторону он плывет. И он послушно следует за ветром...

– Хочешь тарелку супа? – услышал он голос Тенар и стряхнул с себя мрачные воспоминания. Но почему-то по-прежнему чувствовал страшную усталость, а потому сказал:

– Нет, пожалуй. Есть я пока не хочу.

Он понимал, что ее вряд ли удовлетворит подобный ответ. И действительно, через некоторое время она вновь заглянула в переднюю часть дома, все-таки решив его покормить. Здесь размещались и очаг, и кухня, и альков, и эта часть дома была отделена неполной перегородкой от задней, более темной его части, где теперь была спальня и рабочая комната, хотя когда-то раньше там зимой держали корову, или свинью, или коз и домашнюю птицу. Это ведь был очень старый дом. Кое-кто в Ре Альби еще помнил, что раньше он назывался Домом Колдуньи, но никто уже не знал, откуда взялось это название. Гед знал. Ведь они с Тенар получили этот дом от Элеала, а тот – от своего учителя Гелета, а Гелету завещала его ведьма Ард, его первая учительница. Это был как раз такой дом, какой предпочла бы для себя любая ведьма, – он находился достаточно далеко от деревни и от тех, кто вздумал бы называть ее соседкой, но и не так далеко, чтобы не

оказаться у людей под рукой, коли у них возникнет нужда обратиться к ней, ведьме, за помощью. Рядом с домом Ард построила сараи для своих животных, а сама спала в задней половине дома, за перегородкой, рядом с яслями для молодняка. Гелет, Элеал, а теперь и Гед с Тенар тоже там спали – на том же самом месте, где когда-то спала ведьма Ард.

Чаще всего, правда, люди называли этот дом Домом Старого Мага. И кое-кто из жителей деревни всегда готов был рассказать заезжему гостю, что именно там теперь живет тот, кто когда-то был Верховным Магом с острова Рок, ведь на Гонт приезжали в поисках Геда и люди из ближних городов, и чужестранцы из Хавнора. Впрочем, о нем деревенские говорили обычно с недоверием и даже с определенным неодобрением. Тенар нравилась им гораздо больше, хоть и была белокожей, да и прибыла сюда совсем уж издалека, из страны каргов. Однако каждому в деревне было ясно: Тенар такая же, как и они сами, – настоящая хозяйка дома, бережливая, несговорчивая в сделках и далеко не дурочка, скорее уж себе на уме, хитрая и вовсе не простоватая.

...Незнакомая девушка с белым лицом и темными волосами в полном изумлении смотрела на Геда, стоя по ту сторону пещеры со стенами из источенных водой топазов и аметистов, мерцавших и переливавшихся в дрожащем свете, вспыхнувшем на конце его посоха.

Там – даже там! – в своем величайшем храме, Древние Силы Земли вызывали страх у тех, кто им поклонялся – поклонялся ошибочно, принося им в жертву жестоким образом убитых и замученных людей, рабов, а также девушек и женщин, изувеченных вечным заключением в этих подземных пещерах. Никакого святотатства они с Арой тогда не совершили. Они просто выпустили на свободу давно сдерживаемый голод и гнев самой земли; этот гнев и обрушил каменные своды, настезь распахнув двери подземной тюрьмы.

Но и соплеменники Ары, пытавшиеся умиловить Древние Силы Земли, и соплеменники Геда, всегда с нескрываемым презрением относившиеся к ведьмам, совершали одну и ту же ошибку, ибо ими повелевал страх – вечный страх перед тем, что скрыто в недрах земли и в женском теле; страх перед теми знаниями, которыми деревья и женщины обладали и так, без всякого обучения, тогда как мужчинам эти знания давались очень медленно и с трудом. Геду тогда довелось

лишь мельком познакомиться с этим знанием, с великой тихой тайной корней деревьев и трав, с безмолвием камней, с необъяснимым единством лишенных речи животных, с мощью подземных вод и стремящимися наверх родниками. И всему, что ему теперь было обо всех этих вещах известно, он научился у нее, у Ары-Тенар, хотя она никогда ни слова ему об этом не говорила. Да, он научился этому у нее, а еще у драконов и у чертополоха. У тех крошечных бесцветных кустиков колючего чертополоха, исхлестанного всеми морскими ветрами, что с таким невероятным трудом пробивается между камнями на тропинке, ведущей к Верхнему водопаду...

Как он и предполагал, Тенар появилась из-за перегородки с миской в руках и присела на скамеечку для дойки коз, придвинув ее поближе к его постели.

– Сядь-ка да съешь хоть пару ложек, – сказала она. – Это я последнюю утку сварила.

– Больше никаких уток, – сказал он. Уток они завели на пробу.

– Да уж, – согласилась Тенар. – Куры как-то привычнее. Но суп и правда вкусный получился.

Гед сел, и она ловко подпихнула ему под спину подушку, а миску поставила на колени. Из миски пахло действительно вкусно, но есть ему по-прежнему не хотелось.

– Ну, не знаю уж почему, но что-то я совсем не проголодался, – признался он.

Они оба знали причину. И она не стала его уговаривать. А он через некоторое время все-таки проглотил несколько ложек супа и, опустив ложку в миску, снова устало откинулся на подушку. Тенар встала, унесла миску и снова вернулась к нему. Ласково коснулась ладонью его лба, пригладила волосы.

– Тебя, пожалуй, немного лихорадит, – заметила она.

– А руки почему-то совсем холодные, – пожаловался он.

Она опять присела на скамеечку и взяла его руки в свои. У нее руки были теплые, и держала она его крепко. Потом, опустив голову, прижалась лицом к их сомкнутым рукам и словно застыла. Через некоторое время Гед осторожно высвободил одну руку и ласково погладил ее по голове. В очаге щелкнуло горящее полено. За окном раздался негромкий таинственный двойной клич совы, как всегда в сумерках охотившейся на пастбищах.

Гед чувствовал, как в груди опять возникает знакомая боль. Ему казалось, что это даже не боль, а некое архитектурное сооружение вроде темной арки, воздвигнутой между верхушками легких и слишком громоздкой для его грудной клетки. Через некоторое время боль немного отпустила, а потом и вовсе прошла. Дышать стало легко. И захотелось спать. Он все собирался рассказать Тенар, что прежде мечтал, как Элеал, уйти в лес и там умереть, но потом понял, что ничего такого и говорить-то не нужно. Лес всегда был тем местом, где ему хотелось оказаться. Он и оказывался там, едва появлялась такая возможность. Деревья вокруг, их смыкающиеся над ним кроны – вот его дом. Вот его кров.

Я думал, что хотел бы поступить как Элеал. Но я так не поступлю. И никуда мне отсюда идти не хочется. Когда я был мальчишкой, мне не терпелось поскорее покинуть этот дом; я просто дожидаться не мог, когда же наконец увижу все острова и все моря. А потом я вернулся сюда ни с чем, у меня тогда совсем ничего не осталось, и все же этот дом оказался точно таким же, как всегда. И стал для меня всем. И мне этого довольно.

Неужели он сказал все это вслух? Он и сам не знал. В доме стояла тишина, и со всех сторон дом тоже был окружен тишиной – тишиной огромного горного склона и сумерек, плывущих над морем. Скоро зажгутся первые звезды. Тенар больше не было рядом. Но из-за перегородки доносились какие-то неясные звуки, свидетельствовавшие о том, что она возится там – наводит порядок, разжигает огонь в очаге.

А он все плыл и плыл по волнам...

Теперь он оказался во тьме какого-то лабиринта, сводчатые туннели которого очень напоминали тот лабиринт в Гробницах Атуана, куда он тогда случайно заполз и угодил в ловушку, полуослепший, умирающий от жажды. Он помнил, как выгнутые ребра скал спускались все ниже, все сильнее сжимались, не давая ему двигаться дальше, но он непременно должен был двигаться дальше, чтобы не чувствовать себя навсегда запертым в этой скальной породе, и полз на четвереньках и на животе по острым обломкам черных камней, из последних сил стараясь продолжать движение, продолжать дышать... и не мог дышать, не мог проснуться.

И вдруг ярким утром вновь очутился на борту «Зоркой», чувствуя себя несколько помятым, застывшим и замерзшим, как бывало всегда,

когда он внезапно просыпался среди ночи один в лодке и некрепкий сон еще держал его тело в оковах, а ночные видения быстро улетали прочь. Прошлой ночью не было никакой необходимости призывать волшебный ветер, ибо с востока ровно и несильно дул ветер природный, так что Гед всего лишь шепнул лодочке: «Плыви, как плывешь, моя „Зоркая“» – и улегся, прислонившись головой к ахтерштевню и глядя вверх, то на звезды, то на парус, отчетливо видимый на фоне звездного неба, пока глаза его сами собой не закрылись. Теперь исчезли все яростные видения, выплывшие откуда-то из глубин памяти, и в небе горела на востоке лишь одна крупная звезда, но и она уже начинала таять, точно капля росы под лучами восходящего солнца. Подул холодный резкий ветер. Гед сел. И голова у него слегка закружилась, когда он, быстро оглянувшись, посмотрел на восточный край неба, а потом снова вперед, на запад, где тонула в море синяя тень земли. И вскоре гребни волн ярко вспыхнули в первых утренних лучах солнца.

...И до того
Как светлый Эа возник и поднял
Остальные острова Сегой,
Дул ветер утренней зари и волны
Катились тихо в дымке голубой...

Это не он пропел вслух слова старинной песни, это она сама себя ему пропела. Затем в ушах у него возник какой-то звон. Он повернулся, пытаясь найти источник этого звона, и у него снова сильно закружилась голова. Он встал, держась за мачту, поскольку лодка так и подпрыгивала на разыгравшихся волнах, и стал пристально вглядываться в морской простор; там, у самого западного горизонта, он увидел все увеличивающуюся точку и понял, что это летит дракон.

О радость моя! Лети, будь свободна!

Исполненный ярости, источая запах горящего горна и расплавленного металла, летел огромный дракон, и по ветру за ним тянулось широкое перо дыма. Ослепительно сверкала в утреннем свете кольчуга его чешуи, широко и плавно работали могучие крылья. Повиснув в воздухе, дракон ринулся на лодку Геда, точно ястреб на

мышь-полевку, такой же стремительный и неумолимый, и бедная лодочка так и запрыгала по воде под ветром, поднятым его крыльями. Едва не коснувшись Геда своим чешуйчатым боком, дракон снова взмыл ввысь, выкрикнув странным, одновременно шипящим и звучным голосом всего два слова Истинной Речи: «Бояться нечего».

И Гед, глядя прямо в вытянутый золотистый драконий глаз, засмеялся и крикнул в ответ, видя, что дракон уже собрался лететь дальше на восток: «Да нет, мне есть чего бояться, есть!» Ему и впрямь было чего бояться. Ведь те черные горы никуда не делись. Но в эти светлые мгновения Гед действительно никакого страха не испытывал, приветствуя то, что должно произойти, и с нетерпением ожидал с ним встречи. Он приказал веселому волшебному ветерку наполнить парус. И у бортов «Зоркой» буруном вздулась пена, когда лодка стрелой понеслась на запад, оставляя позади все острова Земноморья. На этот раз он проплывет еще дальше, пока не доберется туда, где дуют иные ветра. Если он обнаружит там какие-то другие берега, то пристанет к ним. Если же море и суша в конце концов сольются воедино, то, значит, дракон был прав и ему действительно нечего бояться.

Примечания

1

Английские слова *dragon* и *dragonfly* являются однокоренными, так что детское прозвище главной героини Стрекоза (Dragonfly) носит дополнительный смысл, ибо впоследствии эта девушка превращается в дракона. (*Примеч. перев.*)

2

Эрли (*англ. early*) означает «рано».

3

Следует помнить, что слова «dragon» (дракон) и «dragonfly» (стрекоза) являются однокоренными. (*Примеч. перев.*)

4

Эш (*англ. Ash*) – зола, пепел, прах. Также имеет значение «яшень», дерево, связанное с миром мертвых. Имя, конечно же, подменное, ибо в Земноморье никто Истинными Именами в быту друг друга не называет.

5

Уид (*англ. Weed*) – сорняк.

6

Клэй (*англ. Clay*) – глина.

7

Линнет (*англ. Linnet*) – коноплянка.

8

Кlover (англ. Clover) – клевер.